

Совершенствование механизма борьбы с террором в Российской империи на рубеже XIX—XX вв.

Аннотация. В статье исследуется процесс совершенствования механизма борьбы с террором в Российской империи. Особое внимание уделено анализу нормативных правовых актов, регламентировавших работу органов политического сыска в России и за рубежом. Изучен процесс появления нового органа Департамента полиции — Заграничной охраны. Уделено большое внимание такому виду оперативно-розыскных мероприятий, как наружное наблюдение: именно в конце XIX в. руководство Департамента полиции занялось укреплением и централизацией системы наружного наблюдения с целью повышения качества ее функционирования и устранения отдельных элементов разобщенности. Отмечено, что антитеррористический потенциал российских органов политического сыска на рубеже XIX—XX вв. не был реализован полностью. При организации борьбы с террором помимо имевшихся успехов обращено внимание на факты, вызывавшие у правительства обеспокоенность: административное руководство на местах небезосновательно уделяло большое внимание качеству работы органов правопорядка всех уровней подчиненности. Сложившаяся революционная ситуация требовала от российского правительства продолжения реформаторского курса и поиска новых организационно-правовых решений в сфере борьбы с террором, часть которых в конце XIX в. все-таки была найдена.

Ключевые слова: террор, терроризм, государственные преступления, общественный порядок, общественная безопасность, политический сыск, органы полиции, революционные организации, агентура, наружное наблюдение.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.90.5.011-018

В конце XIX в., несмотря на имевшиеся к этому времени в России достижения в борьбе с террором в условиях снижения активности террористических групп, деятельность российского правительства по реформированию системы политического сыска и совершенствованию механизма борьбы с терро-

ром (как на территории империи, так и за ее пределами) продолжилась. Для оценки необходимости такой реформаторской деятельности в этот период следует проанализировать результаты работы органов полиции в сфере борьбы с террором. Из Обзора деятельности Департамента полиции с 1 марта 1881 г. по

© Колотков М. Б., 2018

* Колотков Михаил Борисович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Информационно-аналитического центра Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
mkolotkov@yandex.ru
195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

20 октября 1894 г. следует, что определенные успехи в данном направлении имелись: в первой половине 1881 г. осуществлены аресты наиболее активных деятелей террористической партии «Народная воля», а впоследствии задержана преобладающая часть находившихся на территории империи ее руководителей; в июне 1882 г. арестован М. Ф. Грачевский, член исполнительного комитета «Народной воли», занимавшийся «ознакомлением членов преступного сообщества со способами приготовления взрывчатых веществ»; 6 октября 1884 г. арестован Г. А. Лопатин, направленный в Россию «заграничными революционерами» в качестве главы распорядительной комиссии «Народной воли» и готовивший покушения на целый ряд государственных деятелей; 1 марта 1887 г. было предотвращено покушение на Александра III, подготовленное группой студентов Санкт-Петербургского университета¹. Согласно справке о московском террористическом кружке И. С. Распутина в течение 1894—1896 гг. силами Департамента была проведена успешная работа по предотвращению деятельности этого кружка². В результате 14 февраля 1896 г. дело о террористическом кружке И. С. Распутина было разрешено в административном порядке, его члены получили различные тюремные сроки «с высылкою затем под гласный надзор полиции» в отдаленные местности Российской империи³. Однако в общей массе революционно-террористическая деятельность к концу XIX в. постепенно усиливалась и продолжала представлять серьезную угрозу для Российского государства, что свидетельствовало о необходимости поиска новых форм и способов противодействия террористическим проявлениям.

За границей первые ощутимые шаги в борьбе с революционерами-террористами Россией были предприняты в июле 1883 г.: для организации политического сыска за рубежом в Париж был направлен П. В. Корвин-Круковский,

создавший там новый орган Департамента полиции — Заграничную агентуру (другое название — Заграничная охранка). К этому времени тайная российская общественная организация «Священная дружина» была расформирована, часть ее представителей вошла в парижское бюро Заграничной агентуры, которое на момент создания состояло всего из четырех сотрудников. Непосредственное руководство деятельностью созданного органа осуществлялось 3-м делопроизводством Департамента полиции, а с 1898 г. — Особым отделом Департамента. Вообще до 1898 г. агентурой за границей также руководил Особый отдел, который в тот период не являлся самостоятельным структурным подразделением Департамента, а входил в состав 3-го делопроизводства.

Деятельность Заграничной охраны была не долго связана с личностью П. В. Корвина-Круковского. Не обладавший навыками, необходимыми для руководителя такой структуры, он в короткие сроки зарекомендовал себя перед Департаментом полиции как начальник, не интересующийся в должном объеме работой подразделения и не понимающий специфики его деятельности⁴. В результате в середине 1884 г. П. В. Корвин-Круковский был снят с должности руководителя Заграничной охраны, а его место занял П. И. Рачковский, с личностью которого связаны наибольшие успехи этой специальной структуры Департамента полиции. Постепенно была налажена работа по получению интересующей Департамент полиции информации не только в Париже, но и в Лондоне, Вене, Берлине, Нью-Йорке и других городах. Следует отметить, что в первые годы деятельности П. И. Рачковского сведения из других городов направлялись российскими консулами напрямую в Департамент полиции. Впоследствии подобная информация сначала концентрировалась в руках уполномоченных лиц в созданных во многих европейских странах отделениях Заграничной агентуры или непосредственно в руках

¹ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 253. Д. 346. Л. 196—198.

² ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1896. Ед. хр. 38. Ч. 1. Л. 3—30.

³ ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1896. Д. 38. Ч. 1. Л. 89.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1884. Д. 39. Ч. 1. С. 17—25.

П. И. Рачковского и только затем направлялась в Департамент полиции⁵. Вместе с тем централизация этой деятельности не была абсолютной, поскольку во многих странах, например в США и Англии, продолжали оставаться агенты, напрямую контактирующие с Особым отделом Департамента полиции⁶. Таким образом, новому руководителю Заграничной охраны в целом удалось не только организовать наблюдение и агентурную работу, но и выстроить вполне налаженную систему политического сыска как на территории Франции, так и во многих других странах Европы.

Антитеррористическая реформаторская политика российского правительства не обошла стороной и Министерство внутренних дел. 9 апреля 1887 г. была утверждена новая Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведовавшему полицией. Практически полностью повторив содержание действовавшей Инструкции с аналогичным названием от 16 июля 1882 г.⁷, новый документ лишь формально расширил права товарища министра в отношении административных властей на местах, а также закрепил передачу функции по контролю над столичной полицией от обер-полицмейстера (должность упразднялась) градоначальнику. В ходе толкования содержащихся в принятом документе правовых норм, закреплявших это расширение, можно установить, что смысловая нагрузка новых нормативных предписаний практически не изменилась: элемент нормы «руководство их деятельностью» был заменен на «направление деятельности», а конструкция «предупреждение и пресечение государственных преступлений» была дополнена «охранением общественной безопасности и порядка»⁸. 9 апреля 1887 г. был принят еще один

документ — Указ «О порядке подчиненности Санкт-Петербургского градоначальника и об обязанностях его по охранению общественной безопасности и спокойствия в столице», который конкретизировал порядок подчиненности, права и обязанности Санкт-Петербургского градоначальника, а также структуру его Управления⁹. Теперь градоначальник стал руководить полицией (ранее это право было предоставлено губернатору) с подчинением министру внутренних дел. Кроме того, отделение по охранению общественной безопасности и порядка вошло в состав Управления градоначальника. Деятельность этого отделения регулировалась особой инструкцией, которая в короткие сроки была подготовлена градоначальником и утверждена министром внутренних дел 23 мая 1887 г.¹⁰

Согласно данной инструкции работа охранного отделения осуществлялась по принципу двойного подчинения. С одной стороны, Департамент полиции «во всех без исключения случаях должен был направлять розыскную деятельность отделения по делам политического свойства»¹¹. С другой стороны, начальник отделения должен работать под непосредственным подчинением градоначальнику, выполнять его указания, а также своевременно информировать обо всех действиях сотрудников отделения. Даже укомплектованием отделения занимался градоначальник, а не руководство Департамента полиции, причем без согласования с руководством начальник отделения мог лишь подбирать секретных агентов.

Основными функциями отделения являлись: предупреждение и расследование запрещенных действующим законодательством стачек на фабриках, а также демонстраций, сходок и собраний; наблюдение за приезжими

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 16. Ч. 1.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1891. Д. 3 ; 1893. Д. 4 ; 1894. Д. 3 ; 1896. Д. 1.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (1881—1913) (далее — ПСЗРИ-3). Т. 2 (1882). № 1022. С. 365—366.

⁸ ПСЗРИ-3. Т. 7 (1887). № 4340. С. 151—152.

⁹ ПСЗРИ-3. Т. 7 (1887). № 4339. С. 151.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 408. Л. 6—9.

¹¹ См.: Лоскутов С. М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 74.

в Санкт-Петербург; надзор за учебными заведениями, клубами и различными обществами¹². Для реализации этих функций сотрудники отделения должны были использовать охранную агентуру, которая занималась преимущественно наблюдением за интересующими отделением лицами и для которой 10 октября 1887 г. была разработана Инструкция «О порядке службы охранной агентуры»¹³. В очередной раз можно констатировать тот факт, что принятый нормативный правовой акт практически полностью дублировал ранее действующий, не внося в него существенных дополнений или изменений. Анализ структуры и содержания этой Инструкции позволяет сделать вывод, что она не имеет существенных отличий от Положения «Об охранной агентуре», принятого 20 декабря 1883 г.: главной задачей продолжало оставаться обеспечение безопасности императора и наследника при их передвижении по столице, сохранилось деление агентов на постовых и местных. Наверное, единственным отличием являлась более детальная конкретизация порядка осуществления наблюдения: уточнение некоторых обязанностей агентов по службе, связанных с необходимостью сочетания наблюдения и добывания агентурных сведений. В этой связи нельзя согласиться с мнением С. М. Лоскутова, считавшего, что Инструкция 1887 г. «стала первым подобным документом в истории российских охранных структур»¹⁴. Вместе с тем и Положение 1883 г., и Инструкция 1887 г. так и не урегулировали многие очень важные вопросы деятельности охранной агентуры, имевшие большое значение для организации борьбы с террором. К примеру, агентура не имела оружия и не могла осуществлять активные действия в обеспечении безопасности охраняемых лиц, а при необходимости обращалась за помощью к местной полиции.

С большой долей критики деятельности органов полиции относился руководитель За-

граничной охраны П. И. Рачковский, который полагал, что система российского политического сыска была организована неэффективно. Руководитель Заграничной охраны не скрывал своей позиции по данному вопросу: 24 ноября 1892 г. он направил директору Департамента полиции П. Н. Дурново докладную записку «О постановке работы органов сыска», в которой изложил свои критические замечания, а также вынес на рассмотрение руководства соответствующие предложения по реформированию полиции. В частности, П. И. Рачковский делал неблагоприятный прогноз социально-политического развития России на ближайшие несколько лет. Он подкреплял свою позицию наличием фактов усиления активности революционных групп и террористических ячеек, которые даже в условиях всеобщей разобщенности (после ликвидации «Народной воли» и других организаций) нашли способ снова организационно оформиться. Особое внимание П. И. Рачковский обращал на тот факт, что органы политического сыска не пытались приспособиться к стремительно менявшейся революционной обстановке, в то время как террористы вполне адаптировались к их новым методам работы: наружному наблюдению, внутренней агентуре, перлюстрации¹⁵. Реформирование политической полиции П. И. Рачковский предлагал осуществлять комплексно, делая при этом акцент не на повсеместном использовании наружного наблюдения, а на организации системы внутренней агентуры, способной не только своевременно информировать Департамент полиции о целях и замыслах террористов, но и вести идейно-пропагандистскую, а при необходимости и диверсионно-подрывную работу в революционной среде. Похожего мнения придерживался М. Е. Бакай, который полагал, что российское правительство «террора такого, которым намечается к убийству ряд лиц и для которого приходится создавать целые сложные

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 408. Л. 8.

¹³ См.: Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 290.

¹⁴ Лоскутов С. М. Указ. соч. С. 77.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 90. Д. 888. Л. 31—35.

организации... не боится вовсе, т.к. чем сложнее организация, тем легче иметь в ее среде тайную агентуру и тем труднее она обнаруживается»¹⁶. Конечно, сегодня позиция П. И. Рачковского представляется единственно верной, позволявшей получить наибольший результат в борьбе с революционным террором. Однако в конце XIX в. руководством органов полиции П. И. Рачковский в должной мере услышан не был¹⁷.

В конце 90-х гг. XIX в. в Москве к охране общественного порядка и борьбе с террором более активно стали привлекаться полицейские надзиратели, деятельность которых с 10 марта 1897 г. стала регламентироваться специальным нормативным документом — Инструкцией полицейским надзирателям при Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве, утвержденной московским обер-полицмейстером¹⁸. Согласно данной Инструкции в задачи полицейских надзирателей входило наблюдение и надзор за отдельными категориями граждан: политически неблагонадежными лицами, учащимися высших и средних учебных заведений, фабричными и заводскими рабочими, а также любыми другими лицами, вызывающими сомнение в их политической благонадежности. Инструкция не только определяла обязанности надзирателей, но и наделяла их правом обращаться за содействием при исполнении своих служебных обязанностей к местным чинам полиции, сторожам, дворникам, швейцарам и иным лицам, а также докладывать местному приставу (при его бездействии — в охранное отделение) о фактах отказа данных лиц в оказании ему помощи. Инструкция также обязывала полицейских надзирателей систематически посещать охранное отделение для получения соответствующих указаний.

К концу XIX в. органы политического сыска, в том числе и Особый отдел Департамента по-

лиции, стали уделять большое внимание такому виду оперативно-розыскных мероприятий, как наружное наблюдение. Следует отметить, что сыскные органы имели продолжительный опыт использования в своей работе наружного наблюдения, который показывал высокую результативность. Однако революционная обстановка в Российской империи, сопровождавшаяся ростом террористической деятельности, поставила перед Департаментом полиции более серьезные задачи. В этой связи руководство Департамента занялось укреплением и централизацией системы наружного наблюдения с целью повышения качества ее функционирования и устранения отдельных элементов разобщенности. Первым наиболее серьезным шагом в этом направлении стало создание в 1894 г. при Московском охранном отделении Летучего отряда филеров во главе с Е. П. Медниковым. Примечательно, что только руководитель отряда являлся сотрудником Московского охранного отделения, в то время как сами филеры официально числились в штате полиции. Численность отряда была небольшой, однако с течением времени постепенно увеличивалась: если в момент создания в 1894 г. в него входило 30 человек, то в 1901 г. отряд состоял уже из 50 филеров¹⁹. Летучий отряд находился на особом положении в структуре Московского охранного отделения, поскольку его сотрудники подбирались из числа опытных филеров, имевших за плечами не один год работы в наружном наблюдении и добившихся серьезных результатов по службе. Примечательно, что Летучий отряд осуществлял свою деятельность не только в Москве, но и на всей территории Российской империи, где появлялась необходимость осуществления наружного наблюдения. При этом с каждым годом своего существования Летучий отряд стал все чаще использоваться за пределами Москвы. Только в 1901 г. сотрудники отряда командировались

¹⁶ Былое. 1908. № 8. С. 115.

¹⁷ См.: Колотков М. Б. Терроризм и государство: технология конфликта : монография. М. : Юрлитинформ, 2017.

¹⁸ См.: Лоскутов С. М. Указ. соч. С. 98.

¹⁹ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000. С. 171.

для работы в Вильно, Варшаву, Нежин, Минск, Ярославль, Козлов, Полтаву, а также целый ряд южных городов России²⁰.

Практика активного использования Летучего отряда на всей территории империи свидетельствовала не только о высокой эффективности работы филеров, но и об усилении кризисных тенденций в органах политического сыска, которые самостоятельно уже не справлялись с возрастающей активностью революционных организаций и возобновлением террористической деятельности. В этот период в стране наблюдалась новая, более масштабная волна террора. В 1901 г. были совершены теракты в отношении обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, министра народного просвещения Н. П. Боголепова. В 1902 г. произошло покушение на харьковского губернатора И. М. Оболенского, совершено убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Системные проблемы оправдывали необходимость реформирования системы политического сыска в Российской империи. В результате в 1902 г. Летучий отряд при Московском охранном отделении был расформирован, его сотрудники частично вошли в состав отряда, образованного при Департаменте полиции, а также были распределены по создаваемым розыскным пунктам.

Полагаем, что организационные изменения в системе наружного наблюдения не оказали ощутимого негативного влияния на качество работы филеров, которые в рамках возложенных на них задач продолжили борьбу с террором в Российской империи. Так, в 1901—1902 гг. получила свое организационное оформление партия социалистов-революционеров, признавшая необходимость использования в своей работе террористических методов борьбы и создавшая для этого специальную Боевую организацию под руководством известного террориста Г. А. Гершуни. С первых дней существования ее наиболее активные члены были взяты в разработку сотрудниками наружного наблюдения.

Согласно письму заведующего наружным наблюдением Е. П. Медникова начальнику Таврического охранного отделения А. И. Спиридовичу от 3 ноября 1902 г. «О результатах разработки члена Боевой организации партии социалистов-революционеров М. М. Мельникова», руководство Департамента полиции было прекрасно осведомлено о деятельности созданной партии, в связи с чем направило в Севастополь для задержания М. М. Мельникова двух опытных филеров²¹. Вообще отношение государственной власти к деятельности этой организации, и прежде всего ее лидера Г. А. Гершуни, было настолько серьезным, что даже император объявил, что «озолотит и даст самую большую пенсию» тому, кто арестует Г. А. Гершуни²². Сотрудники наружного наблюдения даже в таких сложных условиях смогли наладить работу по разработке Г. А. Гершуни. Так, из письма заведующего наружным наблюдением Департамента полиции Е. П. Медникова начальнику Киевского охранного отделения А. И. Спиридовичу от 14 февраля 1903 г. «О разработке Боевой организации партии социалистов-революционеров» становится очевидным, что именно работа филеров способствовала получению ценнейшей информации о деятельности этой террористической организации: были добыты сведения о местонахождении Г. А. Гершуни и его планах по вербовке новых террористов на Кавказе; о лицах, в отношении которых планировалось осуществление терактов; об изготовлении бомб и др.²³

На рубеже XIX—XX вв. при организации борьбы с террором следует обратить внимание не только на имевшиеся успехи, но и на некоторые факты, вызывавшие у правительства обеспокоенность. В частности, административное руководство на местах небезосновательно уделяло большое внимание качеству работы органов правопорядка всех уровней подчиненности. К примеру, 20 сентября 1902 г. приставам и полицмейстерам было направлено предписание

²⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 33. Л. 73—112.

²¹ Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 194—195.

²² Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 198.

²³ Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 198—199.

Санкт-Петербургского градоначальника № 5421 «О необходимости сознательного отношения к своим обязанностям», в котором сделан акцент на наличие фактов «ничего не обеспечивающего формального отношения к службе»²⁴. В этом документе столичный градоначальник выражал обеспокоенность ненадлежащим исполнением служебных обязанностей приставов Санкт-Петербурга, что не позволило задержать находящееся в розыске лицо (Г. А. Гершуни), причастное к террористической деятельности, представившееся подлинной фамилией и имевшее разницу лишь «в отчестве и звании, значившихся в розыскных на него листках и в предъявленной им, по прибытии в столицу, паспортной книжке»²⁵. Такое отношение к организации борьбы с террором признавалось административными властями недопустимым. Следует отметить, что Г. А. Гершуни впоследствии все-таки был задержан агентами Киевского охранного отделения: соответствующая шифр-телеграмма начальника отделения № 4582 от 14 мая 1903 г. директору Департамента полиции А. А. Лопухину о его задержании имеется в архивных материалах²⁶. Безусловно, критическое отношение административных властей к деятельности

полиции являлось обоснованным, поскольку 8 месяцев известный террорист Г. А. Гершуни находился на свободе с того момента, как он мог быть задержан органами полиции в Санкт-Петербурге. Кроме того, задержание было осуществлено не местной полицией, а агентами охранного отделения, что может свидетельствовать о справедливости ранее принятого государственной властью решения о создании таковых отделений по всей империи.

Таким образом, антитеррористический потенциал российских органов политического сыска на рубеже XIX—XX вв. не был реализован полностью. Сложившаяся революционная ситуация требовала от российского правительства продолжения реформаторского курса и поиска новых организационно-правовых решений в сфере борьбы с террором, некоторые из которых в конце XIX в. все-таки были найдены. Тем не менее в условиях возобновления террористической деятельности революционных организаций Российской империи отдельные успехи российского правительства по ослаблению кризисных тенденций в деятельности органов полиции следует признать недостаточными.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. — М. : Молодая гвардия, 2007. — 852 с.
2. Колотков М. Б. Терроризм и государство: технология конфликта : монография. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 183 с.
3. Лоскутов С. М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 157 с.
4. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917 гг.). — М. : РОССПЭН, 2000. — 432 с.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2017 г.

²⁴ ГАРФ. Ф. ДП ОО. Ед. хр. 842. 1903. Л. 187.

²⁵ ГАРФ. Ф. ДП ОО. Ед. хр. 842. 1903. Л. 187.

²⁶ ГАРФ. Ф. ДП ОО. Ед. хр. 842. 1903. Л. 210.

PERFECTION OF THE MECHANISM OF THE FIGHT AGAINST TERROR IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

KOLOTKOV Mikhail Borisovich — PhD in Law, Senior Researcher of the Information and Analytical Center of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
mkolotkov@yandex.ru
195251, Russia, St. Petersburg, ul. Polytechnical, 29

Abstract. *The article examines the process of improving the mechanism of the fight against terror in the Russian Empire. Particular attention is paid to the analysis of normative legal acts regulating the work of the bodies of political investigation in Russia and abroad. The process of emergence of a new body of the Police Department — Secret Police Department for Foreign Affairs [Zagranichnaya okhranka] — has been subjected to thorough analysis. A great deal of attention has been paid to such operative-search activities as external surveillance: it was at the end of the nineteenth century that the Secret Police Department committed themselves to strengthening and centralizing the external surveillance system with the aim of improving the quality of its functioning and eliminating individual elements of disunity. It was noted that the anti-terrorist potential of the Russian bodies of political investigation at the turn of the 19th and 20th centuries was not implemented to full extent. When organizing the fight against terror, in addition to the successes that had been achieved, attention has been drawn to the facts that were of great concern to the Government: local administrative governing bodies reasonably paid much attention to the quality of the work of law enforcement agencies at all levels of subordination. Then-prevailing revolutionary situation demanded that the Russian Government continued the course of reforms and searched for new organizational and legal solutions in the field of the fight against terror, some of which were finally found at the end of the 19th century.*

Keywords: *terror, terrorism, state crimes, public order, public security, political investigation, police authorities, revolutionary organizations, agents, external surveillance.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grigor'ev B. N., Kolokolov B. G. Povsednevnyaya zhizn' rossijskih zhandarmov. — M. : Molodaya gvardiya, 2007. — 852 s.
2. Kolotkov M. B. Terrorizm i gosudarstvo: tekhnologiya konflikta: monografiya. — M. : YUrlitinform, 2017. — 183 s.
3. Loskutov S. M. Pravovye aspekty bor'by s terrorom v Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2014. — 157 s.
4. Peregodova Z. I. Politicheskij sysk Rossii (1880—1917 gg.). — M.: ROSSPEHN, 2000. — 432 s.